

„проклятой скалой, которая мѣшаетъ всѣмъ его начинаніямъ“, — „важнѣйшимъ пунктомъ въ мирѣ“.

Когда, по Тильзитскому миру, Наполеонъ выговорилъ себѣ право занять Ионическіе острова, то на другой уже день полетѣлъ въ Неаполь приказъ о взятіи острова Корфу. Этотъ островъ сдѣлался для Наполеона тотчасъ исходнымъ пунктомъ новыхъ завоевательныхъ мечтаній. „Не только Сицилія, но и берега Греціи, Македоніи, Фракіи, можетъ быть, даже и отдаленный Египетъ казались уже гораздо доступнѣе глазу завоевателя. Почувствовавъ передъ собою просторъ, воображеніе Наполеона съ быстротою молніи пробѣгало одно пространство за другимъ и выработывало планы за планами“. Съ тѣхъ поръ не приходило ни одного письма, въ которомъ не было бы рѣчи о Корфу. Только что завоеванный Неаполь и всѣ его военныя средства существуютъ лишь для того, чтобы упрочить за Наполеономъ обладаніе захваченнымъ островомъ. „Корфу, — пишетъ Наполеонъ брату, — такъ важенъ для меня, что потеря его была бы роковымъ ударомъ для моихъ плановъ“. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ Жозефу: „Корфу долженъ имѣть въ вашихъ глазахъ болѣе важности, чѣмъ Сицилія. При настоящемъ состояніи Европы потеря Корфу была бы величайшимъ несчастіемъ, какое только можетъ случиться со мною“.

Заклѣчается второй томъ Кудрявцева двумя статьями о Грановскомъ. Въ „Воспоминаніяхъ“, написанныхъ тотчасъ послѣ смерти Грановскаго, отразилась вся горечь понесенной утраты и полное сознаніе цѣны того, что было утрачено. „Дѣтство и юность Грановскаго“ написаны Кудрявцевымъ въ самыя тяжелыя минуты его жизни, вскорѣ послѣ потери жены. Тамъ въ Италіи онъ встрѣтился съ вдовой Грановскаго, и трогательно было видѣть, какъ онъ заглашалъ свое собственное горе въ заботѣ о памяти покойнаго друга; съ какимъ тщаніемъ и преданностью онъ собиралъ малѣйшія черты изъ дѣтской жизни Грановскаго, стараясь объяснить и дать почувствовать въ этихъ подробностяхъ будущее развитіе и значеніе лица; съ какимъ жаромъ онъ защищаетъ студента Грановскаго отъ недоброжелательнаго самовосхваленія его университетскаго товарища, оріенталиста Григорьева. Воспроизведеніе этихъ двухъ очерковъ, можно сказать, появилось очень кстати, въ виду недавно напечатанныхъ неуклюжихъ выходокъ противъ Грановскаго ¹⁾).

¹⁾ Мы разумѣемъ напечатанныя въ прошломъ году въ „Русской Старинѣ“ университетскія воспоминанія Аванасьева. Читателей, мало знакомыхъ съ дѣломъ, они могли привести въ недоумѣніе; лицъ, знавшихъ Грановскаго и покойнаго Аванасьева, и особенно знавшихъ тѣсныя отношенія послѣдняго къ кругу друзей и по-